
Людвиг Витгенштейн Заметки о цвете (избранные фрагменты)

Часть I

22. Мы ищем не теорию цвета (физиологическую или психологическую), а скорее логику цветовых понятий. И это позволит достичь того, что часто ошибочно ожидалось от теории.

27. При логическом рассмотрении «Кто-то не может представить себе, что...» означает: он не знает, что должен представить себе в этом случае.

63. Я вижу на фотографии (не цветной) человека с темными волосами и мальчика с зачесанными назад белокурыми волосами, стоящих перед чем-то вроде токарного станка, который сделан частично из отлитых, окрашенных в черный цвет частей, частично из обработанных гладких осей, шестерней и так далее, а рядом располагается решетка из светлой оцинкованной проволоки. Я вижу поверхности обработанных железных деталей цвета металла, волосы мальчика как белокурые, решетку как имеющую цвет цинка, несмотря на то что все передано просто-напросто более светлыми и более темными тонами фотобумаги.

64. Но действительно ли я вижу волосы на фотографии белокурыми? И что говорит в пользу этого? Какая реакция смотрящего показывает, что он *видит* волосы белокурыми, а не просто заключает из оттенков этой фотографии, что они таковы? – Если бы меня попросили описать эту фотографию, я бы сделал это самым непосредственным образом этими словами. Если этот вариант описания не сработает, тогда мне придется искать другой.

66. «Разве мы не можем представить, что какие-то люди имеют другую геометрию цвета, чем мы?» Это, конечно, значит: Можем ли мы представить людей, чьи цветовые понятия отличаются от наших? И это, в свою очередь, означает: Разве мы не можем представить людей, которые *не* обладают нашими цветовыми понятиями, но обладают понятиями, связанными с нашими таким образом, что мы и их тоже можем называть «цветовыми понятиями»?

68. Когда нам задают вопрос: «Что означают слова “красный”, “синий”, “черный”, “белый”?», мы можем, конечно, просто указать на предметы такого цвета, – но дальше наша способность объяснить значение этих слов не идет! В остальном мы не имеем понятия об их употреблении или же имеем очень грубое и в некотором роде неверное понятие об этом.

69. Я могу представить логика, который говорит нам, что преуспел в том, чтобы *действительно* суметь *подумать*, что $2 \times 2 = 4$.

70. Учение Гёте о возникновении спектральных цветов не оказалось неудовлетворительной теорией, скорее, оно вовсе не являлось теорией. С его помощью ничего нельзя предсказать. Оно является, скорее, расплывчатой мыслительной схемой, подобной той, которую находят в психологии Джеймса. Кроме того, нет никакого *experimentum crucis*, способного выступить за или против этого учения.

71. Тот, кто соглашается с Гёте, считает, что Гёте правильно распознал *природу* цвета. А природа в данном случае не то, что выводится из экспериментов, она заключена в понятии цвета.

84. Выражение «Я вижу красный круг» и выражение «Я вижу (я не слепой)» непохожи логически. Как мы проверяем истинность первого и как – второго?

Часть II

11. В философии всегда надо спрашивать: «Как мы должны смотреть на проблему, чтобы она стала решаемой?»

12. Ибо здесь (когда я рассматриваю цвета, например) имеет место прежде всего способность как-то упорядочить эти понятия.

Мы стоим здесь, как вол перед перекрашенной дверью стойла.

16. Феноменологический анализ (какого, например, хотел Гёте) – это анализ понятий, и он не может ни согласовываться с физикой, ни противоречить ей.

Часть III

8. Существует ли такая вещь, как «естественная история цветов», и насколько она аналогична естественной истории растений? Является ли последняя временной, а первая вневременной?

9. Если мы говорим, что фраза «насыщенный желтый светлее, чем насыщенный синий» не является предложением психологии (ибо только *так* оно могло бы быть предложением естественной истории) – это означает, что мы не *употребляем* его как предложение естественной истории, – и тогда вопрос: как выглядит другое, вневременное его *употребление*?

10. Поскольку только так можно было бы отличить предложения «математики цветов» от предложений естественной истории.

11. Или, иначе, вопрос таков: можем ли мы в данном случае (ясно) различить два употребления?

12. Если ты помнишь два оттенка цвета, и А светлее, чем В, а потом ты называешь один оттенок «А», а другой – «В», причем тот, который ты называешь «В» светлее, чем «А», то ты называешь эти оттенки неверно. (Это логика.)

13. Понятие «насыщенного» цвета пусть будет таково, что насыщенный X не может быть когда-то светлее, а когда-то темнее, чем насыщенный Y; т. е. бессмысленно говорить о том, что он светлее в один момент и темнее в другой. Это определение понятия и также относится к логике.

Полезно или нет определенное таким образом понятие, этим не решается.

19. И не должен ли я согласиться, что предложения часто используются на границе между логикой и опытом, так что их смысл при переходе через границу меняется то так, то этак, и трактуются они то как выражение нормы, то как выражение опыта.

Поскольку не «мысль» (сопутствующее психическое явление), а ее использование (нечто, окружающее мысль) отличает предложение логики от предложения опыта.

20. Ошибочный образ запутывает, правильный помогает.

21. Вопрос, например, в следующем: можешь ли ты научить кого-то значению «насыщенного зеленого», научив значениям «насыщенного красного» или «желтого», или «синего»?

25. Почему насыщенные цвета не могут быть просто: *этот*, или *этот*, или *этот*, или *этот*? – Потому что мы распознаем или определяем их по-другому.

31. Мы говорим о «цветовой слепоте» и называем ее *дефектом*. Но вполне могут существовать различные способности, и при этом никакие из них не будут явным образом уступать другим. – И подумай также о том, что человек может прожить жизнь с цветовой слепотой и не заметить этого, пока некоторый особый случай не покажет ему этого.

32. Тогда могут ли разные люди иметь разные понятия цвета? – Разные в *некотором роде*. Отличающиеся той или иной чертой. И это в большей или меньшей степени навредит их взаимопониманию, но чаще всего на него почти не повлияет.

33. Здесь мне бы хотелось сделать общее замечание относительно природы философских проблем. Философская неясность мучительна. Она воспринимается как нечто постыдное. Мы чувствуем, что не разбираемся в том, в чем *должны* были бы разбираться. И тем не менее, это *не* так. Мы можем отлично прожить без этих различий и без этого знания.

35. Лихтенберг говорит, что очень немногие люди когда-либо видели чистый белый цвет. Означает ли это, что большинство людей употребляют данное слово неверно? И как *он сам* научился его правильному употреблению? – Напротив: он сконструировал идеальное употребление из обычного. Так же, как мы конструируем геометрию. А «идеал» означает не что-то особенно хорошее, но только что-то доведенное до крайности.

36. И, однако, такое изобретение может научить нас чему-то о действительном употреблении.

И мы также могли бы *ввести* новое понятие о «чистом белом», например, для научных целей. (Новое понятие подобного рода будет соответствовать, скажем, химическому понятию некоторой «соли».)

42. Мы должны были бы, следовательно, спросить себя: Как выглядело бы то, что люди знали бы цвета, которые наши люди с нормальным зрением не знают? В общем, этот вопрос не допускает однозначного ответа. Так как никоим образом не очевидно, что мы *должны* говорить о такого типа необычных людях, что они знают другие *цвета*. В конце концов, нет однозначно принятого критерия того, что есть цвет, если только это не один из наших цветов.

Однако мы можем представить себе обстоятельства, при которых мы бы сказали: «Эти люди видят другие цвета вдобавок к нашим».

43. В философии недостаточно просто выучить в каждом случае, *что* нужно сказать о предмете, надо также выучить, *как* говорить о нем. Мы всегда должны начинать с изучения метода того, как за это приняться.

44. Или опять же: В любом более серьезном вопросе невозможность быть уверенным (Unsicherheit) распространяется на самые его корни.

45. Мы всегда должны быть готовы узнать что-то *совершенно* новое.

46. Среди цветов: Родство и Контраст. (И это логика.)

55. Описание *феноменов* цветовой слепоты принадлежит психологии. И описание феноменов здорового видения цветов тоже? Конечно – но что предполагается подобным описанием и для кого оно подходит? Или лучше: какие вспомогательные средства оно использует? Когда я говорю: «Что это предполагает?», это означает «Как должно реагировать на *это* описание, чтобы *понять* его?» Тот, кто описывает феномены цветовой слепоты в книге, описывает их с помощью понятий людей со здоровым зрением.

56. Эта бумага светлее в одних местах, чем в других; но могу ли я сказать, что она белая в каких-то местах и серая в других? – Определенно, если бы я рисовал ее, я смешал бы серый для более темных участков.

Цвет поверхности является характеристикой поверхности. Следовательно, мы могли бы попытаться не называть это чистым понятием цвета. Но что тогда будет являться чистым?!

58. Кажется, должно существовать более фундаментальное* понятие цвета, чем понятие цвета поверхности. Кажется, его можно было бы представить либо посредством маленьких цветных элементов, находящихся в поле зрения, либо посредством ярких точек вроде звезд. Тогда большие цветные зоны окажутся составленными из этих цветных точек или маленьких цветных пятен. Таким образом, можно было бы описать впечатление от цвета поверхности, указав позиции маленьких цветных кусочков на этой поверхности.

Но как мы должны были бы, например, сравнивать один из этих маленьких цветных образцов с кусочком данной большей поверхности? Какое окружение должен иметь цветовой образец?

61. Мы должны постоянно держать в голове вопрос: Как люди выучивают значения названий цветов?

68. Давайте представим, что кто-то рисовал каждую природную вещь, причем в присущих ей по природе цветах. Каждая часть поверхности подобной картины имеет определенный цвет. Какой цвет? Как я определяю его название? Должны ли они,

* Или, иначе: более простое, более элементарное, более чистое.

например, носить названия, под которыми продается краска, нанесенная на картину? Но не может ли такая краска выглядеть в особом окружении совершенно иначе, чем на палитре?

69. Так что, возможно, мы пришли бы к тому, чтобы давать определенные названия маленьким цветным участкам на черном фоне (например).

Я хочу на самом деле показать этим, что неясно априори, каковы *простые* понятия цвета.

72. Цветовые понятия должны трактоваться подобно понятиям ощущений.

73. Не существует такой вещи, как *единственное* чистое понятие цвета (*den reinen Farbbegriff*).

74. Тогда откуда появляется путаница? Не сталкиваемся ли мы с таким же опрометчивым упрощением логики, как и любое другое?

75. То есть разные понятия цветов, определенно, родственны друг другу, разные «слова, обозначающие цвет», имеют родственное использование, но существуют также и всевозможные различия.

76. Рунге говорит, что существуют прозрачные и непрозрачные цвета. Но это не значит, что будут использоваться разные зеленые цвета, чтобы нарисовать на картинке зеленое стекло и зеленую ткань.

77. Это своеобразный прием в рисовании – изображение отсвета посредством цвета.

78. Неопределенность в понятии цвета заключается, прежде всего, в неопределенности понятия тождественности цветов, то есть в методе сравнения цветов.

79. Существует золотая краска, но Рембрандт не использовал ее, для того чтобы нарисовать золотой шлем.

80. Что делает серый нейтральным цветом? Это нечто психологическое или нечто логическое?

Что делает яркие цвета яркими? Это вопрос о понятии или вопрос о причине и действии?

Почему мы не включаем черный и белый в хроматический круг? Только потому, что этому сопротивляется наше чутье?

81. Не существует светящегося серого. Является ли это частью понятия серого или частью психологии, то есть естественной истории серого? И разве не странно, что я этого не знаю?

86. Разве мы не можем представить себе людей, имеющих иную геометрию цвета, чем наша нормальная? И это, конечно, значит: можем ли мы описать ее, можем ли мы запросто отреагировать на просьбу описать ее, знаем ли мы *однозначно*, что от нас требуется?

Трудность, очевидно, в следующем: разве не сама геометрия цветов показывает нам, о чем мы говорим, то есть что речь идет о цветах?

94. Рунге к Гёте: «Если бы мы захотели помыслить синева-оранжевый, красновато-зеленый или желтовато-фиолетовый, у нас было бы такое же чувство, как и при попытке представить юго-западный северный ветер».

Там же: «Белый и черный оба являются непрозрачными, или телесными (*körperlich*)... Чистая вода белого цвета так же немыслима, как и прозрачное молоко. Если бы черный просто делал вещи темнее, он мог бы быть прозрачным; но поскольку он их грязнит, это не так».

96. Из того, что так кажется мне – или всем, – не следует, что так оно и *есть*.

Итак: из того, что этот стол кажется всем коричневым, не следует, что он коричневый. Но что означает: «В конце концов, этот стол не является коричневым»? – Так следует ли из того, что этот стол представляется нам коричневым, что он коричневый?

97. Не *называем* ли мы коричневым такой стол, который при определенных обстоятельствах кажется коричневым людям со здоровым зрением? Безусловно, мы можем представить себе человека, которому вещи, независимо от их цвета, представлялись бы окрашенными то так, то иначе.

98. То, что людям так кажется, является для них критерием, что так оно и *есть*.

99. То, что есть на самом деле, и кажущееся могут, конечно, в исключительных случаях не зависеть друг от друга, но это не делает их логически независимыми; языковая игра не опирается на исключения.

101. У нас есть *предрассудки* относительно использования слов.

106. В чем причина того, что темный желтый не будет восприниматься как «черноватый», даже если мы называем его темным?

Логика цветовых понятий намного сложнее, чем может показаться.

107. Понятия «матовый» и «сияющий». Если, когда мы думаем о «цвете», мы думаем о свойстве точки в пространстве, то понятия матового и сияющего не имеют отношения к таким цветовым понятиям.

108. Первое «решение» проблемы цветов, которое приходит на ум, состоит в том, что «чистые» цветовые понятия отсылают к точкам, или неделимым пятнышкам в пространстве. Вопрос: как мы можем сравнить цвета двух таких точек? Просто переводя взгляд с одной на другую? Или перемещая имеющий цвет предмет? Если последнее, то как мы узнаем, что по ходу дела цвет этого предмета не изменился; если первое, то как мы можем сравнить две точки, не учитывая влияние того, что их окружает?

110. Если тебе не понятна роль логики в цветовых понятиях, начни с простого примера, скажем, с желтовато-красного. Он существует, никто не сомневается в этом. Как я выучиваю использование слова «желтоватый»? С помощью языковых игр упорядочивания.

Таким образом, я могу научиться, в согласии с другими людьми, распознавать желтоватый, желтовато-красный, зеленый, коричневый и белый.

При этом я делаю самостоятельные шаги, как и в случае с арифметикой. Один человек может отреагировать на задание найти желтовато-голубой, предъявив голубовато-зеленый, другой может не понять задание. От чего это зависит?

111. Я говорю, что сине-зеленый *не* содержит желтого; если кто-то другой будет утверждать, что он содержит желтый, кто из нас будет прав? Как мы сможем это проверить? Между нами только вербальная разница? – Или тот, другой, не распознает чистый зеленый цвет, который не отдает ни в синий, ни в желтый? И что это дает? В каких языковых играх это может быть использовано? – Он как минимум сможет выполнить задание выбрать зеленые вещи, которые *не* содержат желтого, и те, которые *не* содержат синего. И это позволит отделить то, что тот, другой, знает о зеленом, от того, что он не знает.

112. Один может выучить языковую игру, которую другой выучить не может. И в *этом* должна состоять цветовая слепота всех видов. Ибо если человек, обладающий «цветовой слепотой», может выучить все языковые игры человека со здоровым зрением, почему он должен быть отстранен от определенных профессий?

113. Если бы кто-то привлек внимание Рунге к такой разнице между зеленым и оранжевым, возможно, он бы оставил идею, что существуют только *три* основных цвета.

114. Итак, в какой степени вопрос о том, что кто-то может или не может обучиться языковой игре, является вопросом логики, а не психологии?

115. Я говорю: Кто не может играть в *данную* игру, не обладает *данным* понятием.

118. Могут существовать люди с умственными дефектами, которых нельзя научить ни понятию «завтра», ни понятию «я», ни определению времени по циферблату (Ablesen der Uhrzeit). Такие люди не в состоянии выучить использование слова «завтра», и так далее.

119. Тогда кому я могу объяснить, *что* эти люди с дефектами не могут выучить? Не только тому, кто сам это выучил? Разве я не могу сказать кому-то, что такой-то не может изучить высшую математику, даже если сам этот человек не овладел ею? И все же: не будет ли человек, который освоил высшую математику, точнее знать, что я имею в виду? Не будет ли человек, который освоил игру в шахматы, понимать слово «шахматы» иначе, чем человек, который ее не освоил? Что мы называем «описанием техники»?

120. Или: имеют ли люди со здоровым зрением и люди с цветовой слепотой одно и то же понятие цветовой слепоты?

И все же человек с цветовой слепотой понимает утверждение «Я человек с цветовой слепотой», а также противоположное.

Человек с цветовой слепотой не просто не может выучить, как употреблять наши слова, означающие цвета, он не может научиться употреблять выражение «цветовая слепота» так, как это делает человек со здоровым зрением. Он не может, например, установить цветовую слепоту так же, как это может сделать человек со здоровым зрением.

121. И кому я могу описать все те вещи, которые *мы*, нормальные люди, можем выучить?

Понимание такого описания уже само по себе предполагает, что человек что-то выучил.

122. Каким образом я могу описать кому-то, как мы употребляем слово «завтра»? Я могу *научить* ребенка слову; но это не значит, что я опишу ребенку его употребление.

Но я же могу описать практику людей, обладающих понятием, например, «красновато-зеленого», которым мы не владеем? – В любом случае, я никого не могу *научить* этой практике.

127. «Цвета» – это не вещи, которым принадлежат определенные свойства, так что можно было бы напрямую искать или воображать цвета, которых мы еще не знаем, или представлять кого-то, кто знает цвета, отличающиеся от известных нам. Вполне вероятно, что при определенных обстоятельствах мы могли бы сказать, что кто-то знает цвета, которых мы не знаем, но мы не обязаны говорить это, так как нет никаких указаний относительно того, что именно мы должны рассматривать как адекватные аналоги наших цветов, чтобы у нас была возможность сказать это. Это похоже на ситуацию, в которой мы говорим об инфракрасном «свете»; для этого есть веская причина, но мы также можем назвать это неправильным употреблением.

И нечто подобное истинно для моего понятия «испытывать боль в чужом теле».

129. Разве не могут существовать люди, которые не поймут нас, если мы скажем, что оранжевый – это красновато-желтый (и т. д.), и которые будут склонны говорить нечто подобное, только если переход от желтого к красному через оранжевый случится у них на глазах? И для таких людей вполне мог бы существовать «красновато-зеленый».

Следовательно, они не могли бы ни «анализировать смешанные цвета», ни выучить наше использование X-оватого Y. (Как люди без идеального слуха.)

130. А что насчет людей, обладающих только связанными с формой цветовыми понятиями? Могу ли я сказать, что они не *видят*, что зеленый лист и зеленый стол – когда я показываю им эти вещи – одинакового цвета или имеют что-то общее? Что, если им никогда не «приходило в голову» сравнивать друг с другом предметы разной формы и одинакового цвета? Вследствие особенности условий, в которых они существуют, это сравнение им совершенно неважно или имеет важность только в исключительных случаях, поэтому ими и не был придуман соответствующий языковой инструмент.

135. *Естественная история* цветов должна была бы говорить об их наличии в природе, а не об их *сути*. Ее предложения должны были бы быть временными.

138. Вопрос таков: похоже ли конструирование «прозрачного белого тела» на конструирование «правильного двуугольника»?

142. Различные «цвета» неодинаково связаны с пространственным видением.

143. И неважно, объясняем мы это в связи с полученным в детстве опытом или нет.

144. Это, пожалуй, связь между пространственностью, светом и тенью.

145. Нельзя также говорить, что белый по своей сути является свойством – визуально воспринимаемой – поверхности. Так, можно предположить, что белый встречается только как световой блик или как цвет пламени.

155. Если бы люди привыкли видеть только зеленые квадраты и красные круги, они рассматривали бы зеленый круг с тем же недоверием, что и уroda, и они даже могли бы сказать, к примеру, что это, *собственно*, красный круг, имеющий что-то от...*

* Вычеркнуто.

Если бы у людей были только связанные с формой цветовые понятия, у них существовало бы специальное слово для красного квадрата, и другое для красного круга, и другое для зеленого круга, и т. д. В случае, если они увидят новую *зеленую* фигуру, разве не придет им на ум, что она имеет некоторую схожесть с зеленым кругом, и т. д.? И предположат ли они, что зеленые и красные круги чем-то похожи? Но что я хочу рассматривать как проявления того, что это сходство пришло им в голову?

У них могло бы, *например*, существовать понятие «сочетаемость»; но они и не подумали бы использовать слова, обозначающие цвета.

Действительно существуют племена, в которых могут считать только до 5, и там, вероятно, не чувствуют необходимости описывать то, что невозможно описать этим способом.

164. Чтобы описать феномен дальтонизма в отношении красного и зеленого, мне придется сказать лишь о том, чему дальтоник *не* может научиться; но тогда, чтобы описать «феномен нормального зрения», мне пришлось бы перечислить вещи, которые мы *можем* сделать.

165. Некто, описывающий «феномен цветовой слепоты», описывает только то, в чем человек, страдающий цветовой слепотой, *отклоняется* от обычных людей, а не его способ видения в целом.

Но разве не может это отклонение показать также то, чем нормальное зрение отличается от полной слепоты? Мы могли бы спросить: кто научился бы чему-то на основе этого? Может ли кто-то научить меня тому, что я вижу дерево?

И что есть «дерево», и что есть «видение»?

167. Какой опыт учит меня тому, что я различаю красный и зеленый?

168. Психология описывает феномены видения. Для кого она их описывает? Какой пробел может восполнить это описание?

169. Если бы зрячий никогда не слышал о слепом – разве мы не могли бы описать ему поведение слепого?

170. Я могу сказать: «Страдающий цветовой слепотой не может различить зеленое и красное яблоки», и это можно продемонстрировать. Но могу ли я сказать: «Я могу отличить зеленое яблоко от красного»? Ну, может быть, по вкусу. – И все же, например, «Я могу отличить яблоко, которое ты называешь “зеленым” от того, которое ты называешь “красным”, следовательно, у меня нет цветовой слепоты».

213. Одна и та же музыкальная тема может иметь разный характер в миноре и в мажоре, но будет абсолютно неправильным говорить о характере минорной тональности в общем. (У Шуберта мажор часто звучит печальнее, чем минор.) И таким же образом, я думаю, пуст и бесполезен разговор о характеристиках отдельных цветов для понимания живописи. Когда это делают, думают на самом деле только о специальных употреблениях. То, что зеленый как цвет скатерти производит одно впечатление, а красный – другое, не позволяет нам сделать какие-либо выводы относительно того, какое впечатление они будут производить на картине.

216. Почему мы не можем представить себе раскаленный серый?

Почему мы не можем думать о нем как о белом, раскаленном в меньшей степени?

217. Что нечто, кажущееся светящимся, не может также выглядеть серым, должно указывать на то, что нечто светящееся и бесцветное всегда называется «белым»; это может научить нас чему-то касательно нашего понятия белого.

218. Слабый белый свет не является серым.

219. Но небо, освещающее всё, что мы видим, может быть серым! И каким образом по одному его виду я могу понять, что оно не является светящимся само по себе?

220. Это означает примерно следующее: нечто является «серым» или «белым» только в соответствующем окружении.

221. Я не говорю в данном случае то же, что говорит гештальтпсихология: что *впечатление о белом* создается таким-то и таким-то путем. А вопрос мой: что такое впечатление белого, каково значение этого выражения, какова логика понятия «белого»?

222. Ибо то, что мы не можем помыслить нечто «раскаленным серым», не принадлежит психологии цветов.

229. Не одно и то же: говорить, что впечатление белого или серого возникает при таких-то и таких-то условиях (каузально), и говорить, что оно есть впечатление от некоего контекста (определение). (Первое – гештальтпсихология, второе – логика.)

230. «Прафеномен» (*Urphänomen*) – это то, например, что, как считал Фрейд, он распознал в снах об осуществлении желаний. Прафеномен – это предзаданная (*vorgefaßte*) идея, которая овладевает нами.

231. Если бы ночью передо мной появился призрак, он мог бы светиться слабым беловатым светом; но если бы он выглядел серым, тогда казалось бы, что свет льется откуда-то еще.

232. Когда психология говорит о внешних проявлениях (*Schein*), она связывает их с реальностью. Однако мы можем говорить о них самих по себе или связывать одни с другими.

233. Можно было бы сказать, что призрак имеет тот цвет, который я смешиваю на палитре, чтобы нарисовать его точно.

Но как мы определяем, что есть точное изображение?

234. Психология связывает переживаемое (*Erlebte*) с физическим, но мы связываем переживаемое с переживаемым.

241. Несложно заметить, что не все цветовые понятия следуют единой логике. Легко найти различия в понятиях: «цвет золота» или «цвет серебра» и «желтый» или «серый».

Но сложно обнаружить существование какого-то соотносимого различия между «белым» и «красным».

248. Хотя нет такой вещи, как феноменология, однако есть феноменологические проблемы.

251. Сложности, с которыми мы сталкиваемся, когда размышляем о природе цвета (те сложности, с которыми хотел разобраться Гёте в своем учении о цвете), содержатся уже в том, что мы имеем не *одно*, а несколько понятий сходства цветов, причем родственных друг другу.

255. Наши цветовые понятия иногда связаны с субстанциями (снег белый), иногда – с поверхностями (этот стол коричневый), иногда – с освещением (в красноватом вечернем свете), иногда – с прозрачными телами. И разве не существует также их применения для некоторого участка в поле зрения, которое логически независимо от пространственного контекста?

Разве я не могу сказать «здесь я вижу белый» (и как-то нарисовать его), даже если не смогу так или иначе дать пространственную интерпретацию визуального образа? (Пятно цвета.) (Я думаю о пуантилистской живописи.)

260. То, что мы можем назвать «общим цветовым впечатлением» от поверхности, никоим образом не является средним арифметическим всех цветов поверхности.

261. [«Я вижу (слышу, чувствую и т. д.) X».

«Я наблюдаю X».

X не означает одно и то же понятие в первом и во втором случае, даже если в обоих случаях используется то же самое выражение, например «боль». За первым предложением мог бы последовать вопрос «какого рода боль?», и на это отвечающий мог бы уколоть вопрошающего иглой. Но если вопрос «какого рода боль?» последовал бы за вторым предложением, то ответ должен был бы быть другим, например «Боль в моей руке».]

262. Мне бы хотелось сказать «в моем поле зрения на *этом* месте *этот* цвет (вне зависимости от любого истолкования)». Но для чего я использую такое предложение? «*Этот*» цвет должен ведь быть таким, каким я могу его воспроизвести. И должно быть определено, при каких обстоятельствах я скажу, что нечто имеет этот цвет.

263. Представь, что кто-то указывает на точку радужки глаза на картине Рембрандта и говорит: «Стены в моей комнате должны быть окрашены в такой цвет».

278. Человек с цветовой слепотой понимает высказывание о том, что он страдает цветовой слепотой. Слепой понимает высказывание о том, что он слеп. Но они

не могут использовать эти предложения во всех тех случаях, в каких это может человек с нормальным зрением. Ибо подобно тому, как человек с нормальным зрением может овладеть языковыми играми, например, со словами, обозначающими цвета, которыми человек с цветовой слепотой и слепой овладеть не могут, также обстоит дело и с языковыми играми со словами «человек с цветовой слепотой» и «слепой».

280. Можно ли сказать, что «цветовая слепота» (или «слепота») – это феномен, а «видеть» – нет?

Это будет означать что-то вроде: «Я вижу» – высказывание, «Я слеп» – нет. Однако это неверно. Люди на улицах часто принимают меня за слепого. Я мог бы сказать кому-то, кто думает так: «Я вижу», то есть «Я не слепой».

282. Я скажу В, не умеющему играть в шахматы: «А не может научиться играть в шахматы». В может это понять. – Но теперь я скажу тому, кто вообще не в состоянии выучить какую бы то ни было игру, что некто не может выучить какую-то игру. Что тот знает о природе игры? Может ли он, например, обладать не совсем неверным пониманием игры? Ну, он мог бы понять, что мы не можем пригласить его или того, другого, поиграть, потому что они не умеют играть в игры.

283. Сводится ли все, что я хочу здесь сказать, к тому, что высказывания «Я вижу красный круг» и «Я вижу, я не слепой» логически разнятся? Как проверяют человека, чтобы понять, что первое утверждение истинно? И чтобы понять, что истинно второе? Психология учит, как определять цветовую слепоту и, в связи с этим, здоровое зрение.

Но *кто* может научиться этому?

284. Я не могу обучить кого-то игре, которую не в состоянии выучить сам. Страдающий цветовой слепотой не может обучить человека со здоровым зрением нормальному использованию слов, обозначающих цвета. Так ли это? Он не может *продемонстрировать* ему игру, употребление.

285. Не может ли кому-то из племени людей с цветовой слепотой прийти мысль вообразить странный тип человеческих существ (которых мы называем «обладающими нормальным зрением»)? Разве он не смог бы, например, сыграть в театре человека с нормальным зрением? Точно так же, как мог бы исполнять роль человека с пророческим даром, не обладая таковым. Это, по крайней мере, можно помыслить.

286. А придет ли когда-нибудь в голову людям с цветовой слепотой назвать себя «людьми с цветовой слепотой»? – Почему бы нет?

Но как могли бы «нормально видящие» выучить «нормальное» использование слов, обозначающих цвет, если бы они были исключениями в популяции страдающих цветовой слепотой? – Разве невозможно, чтобы они даже «нормально» использовали цветные слова, совершая в глазах остальных определенного рода ошибки, пока эти остальные не научатся в конце концов ценить такие необычные способности.

287. Я могу представить (изобразить), как для меня будет выглядеть встреча с таким человеком.

288. Я могу представить, как вел бы себя человек, для которого нечто, важное для меня, неважно. Но могу ли я вообразить себе его *состояние*? – Что это означает? – Могу ли я представить состояние того, кто считает важным то, что я считаю важным?

291. Можно ли описать кому-то высшую математику иначе, чем обучая его? Или: *является ли этот урок описанием* некоего рода вычислений? Описать кому-то игру в теннис *не* означает научить его этой игре (и наоборот). С другой стороны, тот, кто не знал, что такое теннис, а теперь учится играть, знает, таким образом, что это такое. («Знание по описанию и знание по непосредственному знакомству».)

292. Кто-нибудь, обладающий абсолютным слухом, может выучить языковые игры, которые не могу выучить я.

293. Можно было бы сказать, что понятия людей показывают, что им важно, а что нет. Не то чтобы это *объясняло* конкретные понятия, которые у них есть. Это лишь должно исключить представление о том, что мы обладаем верными понятиями, а другие люди – неверными. (Но есть переход от ошибки вычисления к другому роду вычисления.)

294. Когда слепые люди рассуждают, как они это любят, о голубом небе и других специфически визуальных явлениях, зрячие часто говорят: «Кто знает, что он себе при этом представляет?» – Но почему они так не говорят о любом другом зрячем? Это вообще, конечно, неправильное выражение.

295. Может быть, то, о чем я так долго пишу, очевидно для кого-то другого с неиспорченным рассудком.

296. Мы говорим: «Давайте представим себе людей, которые не знают *данную* языковую игру». Но тем самым мы еще не получаем ясного представления о жизни таких людей, о том, чем она отличается от нашей. Мы все-таки не знаем, что нам надо представить; предполагается, что в остальном жизнь этих людей соответствует нашей, и для начала необходимо определить, что именно в новых условиях мы назовем жизнью, соответствующей нашей.

Разве это не то же самое, как если бы мы сказали: Есть люди, которые играют в шахматы без короля? Сразу возникают вопросы: Кто тогда выигрывает, кто проигрывает и т. д.? Ты должен принимать *дальнейшие* решения, которые не предвидел в твоём первом утверждении. Так же, как ты не обзираешь (*übersiehst*) всю исходную технику, ты просто осваиваешь ее, переходя от одного случая к другому.

302. Правильно было бы говорить, что наши понятия отражают нашу жизнь?

Они находятся посреди нее.

303. Правилосообразность нашего языка пронизывает нашу жизнь.

313. «Мир физических объектов и мир сознания». Что я знаю о *последнем*? Чему мои чувства учат меня? То есть каково это – видеть, слышать, чувствовать и т. д., и т. д. – Но действительно ли я это выучиваю? Или я выучиваю, каково это, когда я *сейчас* вижу, слышу и т. д., и я *верю*, что так же было и до этого?

314. Что такое в действительности «мир» сознания? В данном случае хочется сказать: «Это то, что происходит в моем духе (*Geist*), что происходит в нем сейчас, что я вижу, слышу...» Не можем ли мы упростить это и сказать: «То, что я сейчас вижу».

315. Вопрос понятен: как мы «сравниваем» физические объекты – как мы сравниваем переживания?

316. Что, собственно, такое «мир» сознания? – Это то, что в моем сознании: то, что я сейчас вижу, слышу, чувствую... – И что, например, я вижу сейчас? Ответ не может звучать как «Ну, всё это», сопровождаемое широким жестом.

317. Когда некто, верящий в Бога, глядит вокруг себя и вопрошает: «Откуда произошло всё, что я вижу?», «Откуда всё это?», он *не* ищет (каузального) объяснения; и суть его вопроса в том, что он выражает какой-то поиск. Также он выражает отношение ко всем объяснениям. – Но как это проявляется в его жизни? Это такое отношение, когда определенную вещь воспринимают серьезно, но после какого-то момента перестают относиться к ней серьезно и объясняют, что существует что-то еще более серьезное.

В данном случае кто-то может сказать: очень серьезно, что такой-то и такой-то умер, прежде чем завершил определенную работу; но в другом смысле это вообще не имеет значения. Здесь мы используем слова «в более глубоком смысле».

Что я на самом деле хочу сказать: вопрос не в *словах*, которые человек использует, и не в том, о чем человек думает, когда использует их, но скорее в различии, которое они производят в разнообразных аспектах жизни. Как я могу знать, что два человека имеют в виду одно и то же, когда говорят, что верят в Бога? И то же самое можно сказать о Троице. Теология, которая настаивает на использовании *определенных* слов и фраз и запрещает другие, не проясняет ничего (Карл Барт). Она, так сказать, жестикулирует словами, потому что хочет что-то сказать, но не знает, как это выразить. *Практика* наделяет слова их смыслом.

321. «Ты видишь дерево, слепой его не видит». Это я должен был бы сказать зрячему человеку. А слепому я должен был бы сказать: «Ты не видишь дерево, мы его видим»? Как это было бы, если бы слепой поверил, что он видит, а я поверил бы, что не вижу?

322. Является ли феноменом то, что я вижу дерево? Он состоит в том, что я верно опознал это как дерево, что я не слеп.

323. «Я вижу дерево» как выражение визуального впечатления – является ли это описанием феномена? *Какого* феномена? Как я могу объяснить его кому-то?

И все же не является ли то, что у меня есть это визуальное впечатление, феноменом для кого-то другого? Потому что он наблюдает именно это, а не то, что наблюдаю я.

Слова «Я вижу дерево» не являются описанием феномена. (Я не мог бы сказать, например: «Я вижу дерево! Как странно!», но вполне мог бы сказать: «Я вижу дерево, но здесь нет никакого дерева! Как странно!»)

324. Или я должен сказать: «Впечатление не является феноменом; но то, что у Л.В. есть это впечатление, феноменом является?»

325. (Мы могли бы представить себе кого-то, говорящего с самим собой, как во сне, и описывающего впечатление без использования местоимения первого лица.)

326. Наблюдать – это не то же самое, что смотреть или бросить взгляд.

«Посмотри на этот цвет и скажи, что он тебе напоминает». Если цвет поменяется, то ты уже будешь смотреть не на тот, который я имел в виду.

Наблюдает, чтобы видеть то, что не увидели бы, если бы не наблюдали.

327. Говорят, например: «Смотри внимательно на этот цвет некоторое время». Но мы делаем это не для того, чтобы *увидеть* больше того, что мы увидели, взглянув на это в первый раз.

328. Могло бы в какой-то «Психологии» содержаться предложение: «Существуют люди, которые *видят*»?

Что ж, будет это ложно? – Но кому это что-то сообщит? (И я не просто имею в виду: то, что будет сообщено, является давно известным фактом.)

329. Известно ли мне, что я зрячий?

330. Мы могли бы сказать: если бы не было таких людей, не было бы и понятия *видеть*. – Но разве не могли бы марсиане сказать нечто подобное? По какой-то случайности первые люди, которых они встретили, были слепыми.

331. Как же может не иметь смысла говорить «существуют люди, которые видят», если не бессмысленно говорить, что существуют слепые?

Однако смысл предложения «существуют люди, которые видят», то есть его возможное использование, ясен, во всяком случае, не сразу.

332. Разве способность видеть не могла бы быть *исключением*? Но ни слепой, ни зрячий не могли бы описать это иначе, как способность делать то или это. Включая, например, игру в определенные языковые игры; но тогда мы должны быть осторожны, описывая эти игры.

333. Если мы скажем: «Есть люди, которые видят», следующим вопросом будет: «А что *есть* “видение”?» И как мы должны ответить на него? Обучив вопрошающего использованию слова «видеть»?

334. Как насчет такого объяснения: «Существуют люди, которые ведут себя, как ты и я, а не как вон тот человек, слепой»?

335. «С открытыми глазами ты можешь переходить улицу и не быть задавленным, и т. д.».

Логика передачи информации.

336. Сказать, что предложение, передающее информацию, имеет употребление, еще не значит сказать, какого *рода* употребление оно имеет.

337. Может ли психолог сообщить мне, что значит видеть? Что мы *называем* «сообщить, что значит видеть?»

Не психолог учит меня использованию слова «видеть».

338. Если психолог сообщит нам: «Есть люди, которые видят», мы можем спросить его: «А кого ты называешь “людьми, которые видят”?» Ответом могло бы быть нечто вроде: «Людей, которые при таких-то обстоятельствах реагируют так-то и ведут себя так-то». «Видение» было бы для психолога техническим термином, который он нам объясняет. Видение, в таком случае, является чем-то, что он наблюдал у людей.

339. Мы учимся использовать выражения «я вижу...», «он видит...» и т. д. до того, как мы учимся различать зрение и слепоту.

348. Кажется, что есть предложения, которые обладают характером эмпирических предложений, но истинность которых для меня неоспорима. Иначе говоря, если я предполагаю, что они ложны, я не должен доверять никаким моим суждениям.

350. Если мы введем в данное исследование понятие знания, оно ничем нам не поможет; потому что знание – это не психологическое состояние, чьи особые характеристики всё объясняют. Напротив, особая логика понятия «знание» – это не логика психологического состояния.

Перевод с немецкого А.С. Ильиной

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-6-157-168